

ФИЛОСОФИЯ

УДК 172

Т. Ю. Барташевич

НРАВСТВЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СОЮЗОВ» В РУССКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

Статья посвящена реактуализации наследия русских философов конца XIX — начала XX в. в контексте обращения к проблеме поиска нравственных оснований социальных институтов как потенциального интегративного начала взаимодействия индивидов в пространстве «человеческих союзов». Автор рассматривает русскую социально-этическую мысль рубежа веков в русле социальных и экономических доктрин и формирующихся концепций институционализма: обращается к положениям социологии морали М. Вебера, теории социальных институтов Э. Дюркгейма, концепции родоначальника институционального направления Т. Веблена, разработкам представителей австрийской экономической школы К. Менгера и Л. Мизеса. В статье выявляется и анализируется методологическая переориентация идеи индивидуализма от экономической трактовки к его социологическому пониманию, учитывающему включенность индивида в пространство социального, что позволяет взглянуть на взаимодействие индивида и общества в категориях сотрудничества, взаимодействия, солидарности — дает возможность рассматривать нравственную жизнь общества в единстве личности и «человеческих союзов». Автор отмечает стремление русской мысли рубежа XIX–XX вв. выйти из области метафизических исследований к решению социально значимых нравственных задач. На основании анализа социально-этического дискурса, сложившегося в русской философской мысли рубежа XIX–XX вв. (Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, С. Л. Франк, И. А. Ильин, Н. Н. Алексеев), автор выделяет концепты, которые составляют нравственное содержание «человеческих союзов»: органицизм как сущностная характеристика человеческих союзов, индивидуальное и общественное сотрудничество, принцип служения, заключающийся в самосовершенствовании личности и совершенствовании духовной жизни общества, принципы «ориентации на другого», солидарности, правды, свободы, развитое правосознание, традиция. Таким образом, в статье задается особый вектор современных социально-философских и этических исследований, обращенных прежде всего к анализу институционального характера морали, проблемы неоднородности морали, которая решалась в сочинениях русских мыслителей через взаимообусловленность нравственного совершенствования «человеческих союзов» и нравственного развития личности. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: «человеческие союзы», нравственность, русская этическая мысль, социальная этика.

Барташевич Татьяна Юрьевна — ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб, 7/9; t.bartashevich@spbu.ru

Bartashevich T. Yu. — assistant, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; t.bartashevich@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

THE MORAL ESSENCE OF “HUMAN ASSOCIATIONS” IN RUSSIAN THOUGHT OF LATE XIX — EARLY XX CENTURIES

The article is devoted to updating legacy of Russian philosophers of the late XIX — early XX centuries in the context of addressing the problem of moral basis of social research institutes as a potential beginning of integrative interaction of individuals in the area of “human associations”. The author examines the Russian thought in the mainstream of social and economic doctrines and emerging concepts of institutionalism: the author refers to the provisions of the sociology of morality (M. Weber), to the theory of social institutions (E. Durkheim), to the concept of the founder of institutionalism, T. Veblen, to the development of the Austrian economic development school (K. Menger and L. von Mises). There was a reorientation of the idea of methodological individualism in the economic interpretation to the sociological understanding that takes into account the individual’s involvement in the social space. This allows us to look at the interaction between the individual and society in terms of collaboration, cooperation, solidarity, allows us to consider the moral life of society in the unity of the person and “human unions.” The author points out the orientation of Russian thought abroad XIX — XX centuries to come out of the metaphysical studies to address socially significant moral problems. Based on the analysis of social and ethical discourse that emerged in the Russian philosophy abroad XIX — XX centuries (Chicherin, Novgorodtsev, Frank, Ilyin, Alekseev) the author highlights the concepts that make up the moral content of “human associations”: organicism as the essential characteristic of human associations, individual and social cooperation, the principles of “orientation to the other”, service, solidarity, truth, freedom, sense of justice, tradition. Refs. 15.

Keywords: “human associations”, morality, Russian ethical thought, social ethics.

Реактуализация наследия русских философов конца XIX — начала XX в. связана с выходом современных этических исследований к проблемам институционального характера морали, выявления интегративного потенциала нравственной сферы, моральных основ общественного бытия. С 2009 г. отечественными исследователями (Апресян Р. Г., Гусейнов А. А., Прокофьев А. В. и др.) была инициирована теоретическая дискуссия по проблемам общественной морали, в результате которой сформировалось направление современных этических исследований, обращенных к выявлению предмета и основных концептов социальной этики. Разрабатывая данную проблематику, исследователи опираются преимущественно на западную интеллектуальную традицию, не учитывая опыт русского философствования, направленного на решение социальных задач. Эта предметная область русской философии была кратко сформулирована П. Б. Струве в его речи, посвященной памяти Б. Н. Чичерина: «Перед русской общественной мыслью с первых времен ее зарождения стали: 1) проблема освобождения лица и 2) упорядочение государственного властвования, введение его в рамки правомерности и соответствия с потребностями и желаниями населения» [1, с. 455]. Выделенные П. Б. Струве проблемные области русской мысли во многом определили направление данного исследования: это проблема «лица» и «человеческих союзов». В связи с чем в данной статье мы ставим перед собой задачу на основе анализа русской философской мысли конца XIX — начала XX в. рассмотреть проблему соотношения личного и общественного в нравственной сфере, выделить концепты, составляющие нравственное содержание социальных институтов.

Рубеж XIX–XX вв. — это время социальных потрясений в Европе и России, которое с необходимостью требовало не только философских рефлексий, но и социального, а подчас и личного выбора, что не могло не сказаться на определении основных векторов социально-этической мысли. «Предчувствие» социальных

изменений обусловило поиск решений на уровне идей. Развитие социальных теорий как в Европе, так и в России было продуцировано социально-политическими трансформациями. Русская мысль рубежа веков в решении социальных вопросов находится в русле основной интенции европейской мысли, в русле социальных и экономических доктрин, формирующихся концепций институционализма.

В контексте поставленной задачи — выявления нравственного содержания «человеческих союзов» и обоснования институциональных предпосылок нравственности (перехода от индивидуальности как основы всего, по Чичерину, от индивидуальной нравственности к общественной нравственности в регуляции человеческого взаимодействия (термин Г. Зиммеля) в «человеческих союзах») — представляется актуальным обращение к социальной мысли рубежа веков. Так, М. Вебер говорил о том, что социальное опосредует отношения между личностью и обществом, при этом утверждал, что «именно этическое начало является фокусом всех человеческих взаимоотношений» [2, с. 43].

Понимание общества как ценностно-нормативной и преимущественно нравственной системы обнаруживаем в социологии Э. Дюркгейма. Согласно Дюркгейму именно мораль выступает в качестве практической силы и является основанием, фундирующим социальные институты [3].

В экономической теории понятие института первым предложил родоначальник институционального направления Т. Веблен, который понимал институт как «распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций» [4, с. 201–202].

В этот период экономическая теория стояла на позициях методологического индивидуализма, в котором «индивидуализм *homo economicus* непосредственно сопряжен с его автономностью, с относительной независимостью принимаемых решений и установлением опосредованной социальной связи — преимущественно через соотнесение результатов действия» [5, с. 137–138].

Заслуга австрийской экономической школы (К. Менгер и Л. Мизес) заключается в признании принципа субъективизма основой социальной деятельности индивидов, в переориентации трактовки индивидуализма от экономического к социологическому пониманию, где личность оказывается непосредственно включенной в разнообразные социальные отношения и общественные структуры, спроектировать которые с помощью средств социальной инженерии невозможно. Только те институты, которые вырастают из социальных потребностей, являются признаваемыми и способными интегрировать отдельных индивидов в их социальном взаимодействии.

Подтверждение этих идей находим в социологии морали М. Вебера. Введение Вебером в социальную науку «принципа “ориентации на другого”» представляет собой попытку внутри методологического индивидуализма и средствами последнего учесть нечто всеобщее, принять во внимание... субстанцию социального, без которой целерациональное действие остается классической моделью робинзонады» [6, с. 68].

Согласно Б. Н. Чичерину, именно личность является тем фундаментом, на котором строится общество. «Общество, — пишет Чичерин, — которое отрицает индивидуализм, подрывает собственные свои духовные основы». Однако Чичерин, подобно Веберу, настаивает на том, что нельзя все существо «общественного быта» сводить к индивидуализму, так как «и право, и нравственность указывают на

высшую связь лиц, которая не ограничивается взаимодействием отдельных единиц, а делает их членами высшего целого. Из самого этого взаимодействия вытекают совокупные понятия и чувства, интересы и цели, которые ведут к установлению общего порядка, властвующего над людьми» [7, с. 181–182].

Интерес к социальному устройству, пристальное внимание к институтам — все это близко русской мысли, которая рассматривает нравственную жизнь общества в единстве личности и общественных устройств («человеческих союзов»). Русская мысль (философия права), безусловно, опирается здесь во многом на немецкую классическую философию, цитируя (воспринимая), но по-своему интерпретируя. Так, Б. Н. Чичерин прежде всего развивает мысль Гегеля об «объективированности» нравственности, П. И. Новгородцев дополняет кантовское представление о личности (этический индивидуализм), понимание действительности как воплощения идеальной нормы гегелевским пониманием действительности — «живым историческим наполнением нравственности». Однако в поисках ответов на вызовы времени русские философы очень чутко реагировали на современную европейскую мысль, социально-экономическую в том числе, что позволяло им в своих поисках выйти из области метафизического в область практической ориентации.

В целом начало XX в. связано с выходом этики из сугубо метафизического в область практического. Стоит отметить некоторое различие в европейской и отечественной интерпретациях «практического»: понимание практического в контексте прагматизма и утилитаризма в его классических формах и ориентация на решение конкретных задач, поиск ответов на исторические, экономические, социальные вызовы. Так, Б. Н. Чичерин критикует утилитаризм в лице Бентама, Милля за то, что в нем представлена «замаскированная теория эгоизма». В то же время, по выражению С. Л. Франка, «вся история нашего умственного развития окрашена в яркий морально-утилитарный цвет» [8, с. 153].

Если европейская социальная и экономическая мысль была ориентирована на выработку механизмов взаимодействия индивида и общества и индивидов между собой в обществе, то русскую мысль в большей степени интересовала органическая сущность, нравственное содержание социальных институтов («человеческих союзов»).

То есть европейской мысли в большей степени свойственны механицизм и функционализм в объяснении общества, а отечественной мысли — органицизм. Так, для Э. Дюркгейма «...общество — не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность *sui generis*, наделенную своими особыми свойствами. Конечно, коллективная жизнь предполагает существование индивидуальных сознаний, но этого необходимого условия недостаточно. Нужно еще, чтобы эти сознания были ассоциированы, скомбинированы, причем скомбинированы определенным образом» [9, с. 493].

В то же время С. Л. Франк противопоставляет «общественность» как «механическую» сторону общества «соборности» как внутренней «органичности» социальной жизни. То есть, с одной стороны, общество, по Франку, «созидается умышленно-планово и, с другой стороны, складывается и вырастает “само собой”», что соотносится с двумя обозначенными формами социальной жизни — общественностью и соборностью. Общественность отличает «принудительная организация», соборность же — это «стихийное, произвольное взаимодействие отдельных

индивидов и частей общества»; «это двуединство стоит в теснейшей связи с... общими нормативными принципами солидарности и свободы: планомерность общественного единства есть не что иное, как выражение общественной солидарности в сфере умышленной общественной воли, тогда как спонтанность общественного единства есть осуществление в стихии свободы. Эти два необходимых и соотносительных начала общественного бытия получают конкретное выражение в двух формах общественной жизни: в государстве и в гражданском обществе» [10, с. 419].

Гражданское общество есть «не внешнее средство для удовлетворения интересов отдельных людей, а именно необходимая форма общественного сотрудничества, форма служения, осуществления объективной правды через вольное взаимодействие отдельных членов общественного целого» [10, с. 424].

Соблюдение правды и свободы (вольного взаимодействия индивидов) рассматривается в качестве нравственных оснований «человеческих союзов» в нравственно-правовой концепции Б. Н. Чичерина. Правда и свобода выступают основными правилами общежития, согласно которым «частный интерес подчиняется общественному» [7, с. 185]. «Только этим удовлетворяется правда, составляющая верховный закон всего юридического, освященного нравственностью порядка. К этому и должно быть направлено внутреннее устройство человеческих обществ» [7, с. 186].

Содержание «человеческих союзов» характеризуется, с одной стороны, нравственным содержанием, с другой стороны — правовым порядком: нравственность определяет внутреннюю свободу человека, право — внешнюю. Право принудительно по своей природе в отличие от нравственности, однако «нравственный закон может требовать от совести человека добровольного подчинения установленному юридическим законом порядку, как необходимому условию мирного сожительства между людьми» [7, с. 183]. То есть правосознание — феномен нравственный по своей природе. Развитое правосознание обеспечивает устойчивость институтов («человеческих союзов»): чем больше людей добровольно признает (уважает, соблюдает) общественный порядок (правило, установление, закон, институт), тем больше людей соблюдает общественный порядок.

П. И. Новгородцев в своем сочинении «Введение в философию права: Кризис современного правосознания» [11] и И. А. Ильин в работе «О правосознании» [12] анализировали кризис правосознания, заключающийся в том, что оно «есть правосознание только по видимости», что оно отрицает свободу и опирается исключительно на догматичность и принуждение. Нравственным содержанием правосознания, по мнению И. Ильина, выступают совестное доброжелательство, примиряющая справедливость, жертвенная щедрость и дружелюбная общительность, оно должно быть построено на гражданских принципах самообуздания, скромности и отречения. Только при соблюдении этих принципов правосознание может стать нравственным основанием «человеческих союзов», проникнутых «духом солидарности и лояльности, тем духом *органического единения*, которое углубляет, накапливает и сосредоточивает национальную силу и политическую гениальность народа» [12, с. 220–222].

В качестве значимого нравственного основания устойчивости общественных учреждений П. И. Новгородцев рассматривает неформальный институт традиции. В процессе воспитания личности и усвоения социальных норм происходит «связь с общей нравственной средой, в недрах которой рождается личность», что придает

«устойчивость и твердость нравственному прогрессу: тот незримый, но могущественный дух традиции, который живет в каждом обществе, сдерживает крайности субъективного произвола, смягчает противоречия и контрасты, умеряет грозные бури общественных переворотов и приводит все к определенному уровню» [13, с. 175–176].

В русской философской мысли рубежа XIX–XX вв. можно наблюдать разнообразие позиций во взглядах мыслителей, которое рождает полемический дискурс в осмыслении нравственного содержания «человеческих союзов» (примером может послужить ставшая уже хрестоматийной полемика Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева). Итогом анализа данного дискурса является концептуализация тех оснований, которые составляют нравственное содержание социальных институтов: органицизм как сущностная характеристика человеческих союзов, индивидуальное и общественное сотрудничество в рамках общего целого, принципы «ориентации на другого», служения, заключающегося в самосовершенствовании личности и совершенствования духовной жизни общества, принцип солидарности, конституирующий общественное взаимодействие, принципы правды и свободы (вольного взаимодействия), развитое правосознание, традиция.

Общественные отношения, в основании которых лежат перечисленные нравственные принципы, открывают возможность построения более глубоких и устойчивых связей, в отличие от правовых отношений, основанных на принудительности и функциональной механистичности. Правовой момент неизбежно присутствует в «человеческих союзах», но он не может составлять существо «общения» и «союзности» и быть подавляющим. Доминирующим, интегрирующим началом, составляющим высшую сущность общественной жизни, выступает нравственное поле. Н. Н. Алексеев в работе «Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи» отмечал, что «всякое государство представляет собою также и некоторую нравственную организацию — организацию положительно установленной этики — утверждение, которое может показаться совершенно несовместимым с принципами новейшего устройства западных государств, но на котором, тем не менее, со всей силой надлежит настаивать» [14, с. 504].

Нравственное личное преобразование является необходимым условием нравственного совершенствования «человеческих союзов», «последние развиваются и улучшаются именно вследствие того, что лицо отрывается от существующего порядка и предъявляет свои требования и права... В этом именно и состоит существо духа, что орудиями его являются разумные и свободные лица. Они составляют самую цель союзов» [7, с. 180]. Нравственное преобразование индивида и «человеческих союзов» — процесс обоюдный: совершенствование нравственных основ общества невозможно без совершенствования личности, в свою очередь преобразованные «союзы» не могут не влиять на совершенствование индивида.

На рубеже XX–XXI вв. этическая мысль приобретает очевидную прикладную направленность, общество предъявляет к этике требование решать «открытые» моральные проблемы современности. В этой связи как никогда актуально обращение к отечественному социально-этическому наследию рубежа XIX–XX вв., поскольку русские мыслители в своих поисках были ориентированы на выход из метафизического пространства мысли к решению социально значимых, по выражению В. С. Соловьева, прикладных этических проблем [15].

Литература

1. Струве П. Б. Б. Н. Чичерин и его место в русской образованности и общественности // *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм*. М.: Республика, 1997. С. 451–460.
2. Шпакова Р. П. Стоицизм в поворотное время. Фердинанд Теннис и Макс Вебер // Макс Вебер и современная социология: Памяти Риммы Павловны Шпаковой / Под общ. ред. А. О. Бороноева, Н. Г. Скворцова. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2008. С. 37–46.
3. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // *Социологические исследования*. 1991. №2. С. 106–114.
4. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
5. Зорин Г. В. Вклад австрийской экономической школы в социальное познание // Макс Вебер и современная социология: Памяти Риммы Павловны Шпаковой / Под общ. ред. А. О. Бороноева, Н. Г. Скворцова. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2008. С. 127–141.
6. Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: КомКнига, 2006. 368 с.
7. Чичерин Б. Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. 656 с.
8. Франк С. Л. Этика нигилизма // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. (Репринт. изд. 1909 г.). М.: Новое время, 1990. С. 150–184.
9. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.
10. Франк С. Л. Духовные основы общества: Введение в социальную философию // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. Л.: Лениздат, 1991. С. 243–434.
11. Новгородцев П. И. Введение в философию права: Кризис современного правосознания / РАН, Ин-т государства и права. М.: Наука, 1996. 269 с.
12. Ильин И. А. О правосознании // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. 400 с.
13. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 640 с.
14. Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 386–625.
15. Соловьев В. С. Право и нравственность: Очерки из прикладной этики. СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1897. 187 с.

References

1. Struve P. B. B. N. Chicherin i ego mesto v russkoi obrazovannosti i obshchestvennosti [B. N. Chicherin and his place in Russian education and public]. *Patriotica: Politika, kultura, religiia, sotsializm* [*Patriotica: politics, culture, religion, socialism*]. Moscow, Respublika Publ., 1997, pp. 451–460. (In Russian)
2. Shpakova R. P. Stoitsizm v povorotnoe vremia. Ferdinand Tennis i Maks Veber [Stoicism in pivotal time: Ferdinand Toennies and Max Weber]. *Maks Veber i sovremennaia sotsiologiia: Pamiati Rimmy Pavlovny Shpakovoi* [*Max Weber and contemporary sociology: to memory Rimma Pavlovna Shpakova*]. Eds A. O. Boronoeva, N. G. Skvortsova. St. Petersburg, of St. Petersburg State University, 2008, pp. 37–46. (In Russian)
3. Diurkgeim E. Tsennostnye i «real'nye» suzhdeniia [Value and “real” judgment]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [*Sociological researches*], 1991, no 2, pp. 106–114. (In Russian)
4. Veblen T. *Teoriia prazdnogo klassa* [*Theory of the Leisure Class*]. Moscow, Progress Publ., 1984. 367 p. (In Russian)
5. Zorin G. V. Vklad avstriiskoi ekonomicheskoi shkoly v sotsial'noe poznanie [The contribution of the Austrian School of Economics in social cognition]. *Maks Veber i sovremennaia sotsiologiia: Pamiati Rimmy Pavlovny Shpakovoi* [*Max Weber and contemporary sociology: to memory Rimma Pavlovna Shpakova*]. Eds A. O. Boronoev, N. G. Skvortsov. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg State University, 2008, pp. 127–141. (In Russian)
6. Gaidenko P. P., Davydov Iu. N. *Istoriia i ratsional'nost': Sotsiologiia Maksa Vebera i veberovskii renessans* [*History and rationality: Max Weber and Weber renaissance*]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 368 p. (In Russian)
7. Chicherin B. N. *Filosofia prava* [*Philosophy of Law*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 656 p. (In Russian)
8. Frank S. L. *Etika nigilizma* [Ethics of nihilism]. *Vekhi: sbornik statei o russkoi intelligentsii. (repr. izd. 1909 g.)* [Vehi: a collection of articles about the Russian intelligentsia (repr. ed. 1909)]. Moscow, Novoe vremia Publ., 1990, pp. 150–184. (In Russian)

9. Diurkgeim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [*The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method*]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 575 p. (In Russian)
10. Frank S. L. Dukhovnye osnovy obshchestva: Vvedenie v sotsial'nuiu filosofiiu [Spiritual foundations of society: Introduction to social philosophy]. *Russkoe zarubezh'e: Iz istorii sotsial'noi i pravovoi mysli* [*Russian abroad: From the history of social and legal thought*]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1991, pp. 243–434. (In Russian)
11. Novgorodtsev P. I. *Vvedenie v filosofiiu prava: Krizis sovremennogo pravosoznaniia* [*Introduction to the philosophy of law: The crisis of the modern sense of justice*]. RAN, In-t gosudarstva i prava [Russian Academy of Sciences. Institute of State and Law], Moscow, Nauka, 1996. 269 p. (In Russian)
12. Il'in I. A. *O pravosoznanii. Sobr. soch. v 10 t.* [*Doctrine of the sense of justice. Works: in 10 vols., vol. 1*]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1993. 400 p. (In Russian)
13. Novgorodtsev P. I. *Ob obshchestvennom ideale* [*On the social ideal*]. Moscow, Pressa Publ., 1991. 640 p. (In Russian)
14. Alekseev N. N. *Sovremennoe polozhenie nauki o gosudarstve i ee blizhaishie zadachi* [The current situation of the science of the state and its immediate tasks]. *Russkii narod i gosudarstvo* [*Russian people and the state*]. Moscow, Agraf Publ., 1998, pp. 386–625. (In Russian)
15. Solov'ev V. S. *Pravo i npravstvennost': Ocherki iz prikladnoi etiki* [*Law and Morality: Essays in Applied Ethics*]. St. Petersburg, Ya. Kantorovoch Publ., 1897. 187 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2015 г.